СОЦИОЛОГИЯ ЖУРНАЛИСТИКИ

В.М. Хруль, кандидат филологических наук, доцент кафедры социологии журналистики факультета журналистики МГУ имени М.В. Ломоносова;
e-mail: victor.khroul@gmail.com

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ЭТИКА ЖУРНАЛИСТА: ПРОБЛЕМЫ КОДИФИКАЦИОННОЙ ПАРАДИГМЫ

Рассматривая новые документы международного уровня в области саморегулирования СМИ, а также проблемы с соблюдением этических норм и дисфункции механизмов контроля (в частности, скандал в Великобритании), автор обращает внимание на кризис «кодификационной парадигмы» в профессиональной этике. По мнению автора, стремление к формированию и просвещению совести в журналистском образовании может принести гораздо больше пользы практической журналистике, нежели обучение «добровольной подчиненности» в рамках кодификационной парадигмы, которая все с большей очевидностью погружается в кризис, особенно в российских условиях эрозии ценностно-нормативных моделей.

Ключевые слова: *саморегуляция СМИ, профессиональная этика журналиста, кодификация норм, совесть, ответственность.*

The analysis of new international documents on media self-regulation, ethical problems and dysfunctions of control mechanisms (in particular, the scandal in the UK) leads the author of the paper to the conclusion on media ethics "codification paradigm" crisis. Author proposes to focus journalism education more precisely on conscience formation in addition to learning "voluntary submission" within the frame of codification paradigm, which is getting more and more insufficient. Author suggests that such an educational turn is very important in Russian conditions of values corruption.

Key words: *media self-regulation, journalism ethics, codification paradigm, conscience, accountability.*

Необходимость этического саморегулирования СМИ — как на уровне журналиста и редакции, так и на национальном, континентальном и даже глобальном уровнях — становится все более осознаваемой и артикулированной. Об этом задумываются и сами журналисты, и исследователи СМИ, и правозащитники, и государственные чиновники, об этом заявляет и аудитория, которая, несмотря на существенную потерю влияния в российской медиасистеме, иногда напоминает о себе.

На протяжении последних десятилетий парадигма подобных размышлений оставалась преимущественно «кодификационной». Компетентные и опытные специалисты — как теоретики, так и практики — составляли кодексы — и сверху, дедуктивно[1], и снизу, индуктивно [Казаков, 2001]. В некоторых случаях эти кодексы отражали идеальные модели и вечные — в понимании авторов — ценности, в некоторых случаях становились плодом конвенции, ставшей результатом прощупывания «профессионально правильного» путем гуманитарной экспертизы сознания и поведения практикующих журналистов.

Кодекс, таким образом, служил и до сих пор служит знаком, «лакмусовой бумажкой» того, есть ли этика у журналистики или ее нет, упорядочена она или стихийна, осознается журналистским сообществом или нет. Отклоняющееся от кодифицированных норм поведение журналиста или деятельность СМИ становились и становятся предметом разбирательства в Советах по прессе и прочих структурах, функционально им тождественных или схожих.

Кодексы журналистской этики разных стран соблазняют возможностью сравнительного анализа с экстраполяцией результатов на оценку доброкачественности всей журналистской деятельности в той или иной стране. Подобный анализ был проведен профессором Каарле Норденстренгом в Университете Тампере [Reports on Media Ethics in Europe, 1995] и профессором Клодом-Жаном Бертраном во Французском институте прессы и Университете Миссури[2].

Сторонники кодексов подчеркивают, что подобного рода тексты имеют давнюю традицию в западных странах, вбирают в себя все лучшее из журналистского опыта и обычно признаются ведущими СМИ. Кроме того, кодексы работают без применения механизма принуждения, свойственного правовому регулированию. Либералы считают этические кодексы очевидным преимуществом, поскольку они создают журналистике сильную «иммунную систему», защищающую от возможного вмешательства государства. По мнению апологетов кодексов, они функциональны и эффективны в странах, где журналистская репутация и добропорядочность имеют большой вес, где от них во многом зависит вся карьера репортера.

Скептики, напротив, отмечают, что этические кодексы циркулируют преимущественно в академических кругах как предмет скорее теоретический, нежели практический, и обсуждаются среди топ-менеджеров больших СМИ, чтобы минимизировать возможный материальный ущерб от общественно порицаемого поведения журналистов.

---

[1] Например, «Кодекс профессиональной этики российского журналиста». Его и другие документы подобного рода можно найти в глобальной базе кодексов этики на сайте Центра права СМИ факультета журналистики МГУ по адресу http://medialaw.ru/selfreg/index.htm. Кодексы других стран на английском языке размещены на сайте проекта "Ethicnet" — http://ethicnet.uta.fi/

[2] Media Accountability Systems. Режим доступа: http://www.rjionline.org/media-accountability-systems

Кроме того, международные и национальные кодексы носят настолько общий характер, что конкретным СМИ приходится их «доводить», «затачивать» под особенности своей деятельности, а когда у репортеров появляются этические проблемы, то решаются они обычно как частный случай, на основе опыта и здравого смысла, чаще всего безо всякой соотнесенности с этическими кодексами.

В динамическом взаимодействии «должного» и «сущего» в процессе этического саморегулирования кодификация норм поведения и механизмы ее воплощения занимают ведущие позиции.

Тем не менее важно обратить внимание на то обстоятельство, что процесс кодирования этических норм нередко сопровождался скептическими голосами главным образом по поводу двух его аспектов: а) принципиальной возможности кодирования и его аксиоматики; б) функциональной эффективности этических кодексов (признания журналистами своей вменяемости, корпоративного конфликта интересов, сопротивления социальной среды).

В контексте обсуждения проблем кодификации и соблюдения этических норм в журналистской деятельности представляются интересными два документа, опубликованные почти одновременно в ноябре 2011 года.

Один из них — нормативно-оптимистический — выпустил в свет в Страсбурге 8 ноября 2011 года комиссар по правам человека Совета Европы Томас Хаммарберг. Другой — реально-скептический — датирован 3 ноября 2011 года и появился на сайте американского Центра международной помощи СМИ (The Center for International Media Assistance — CIMA).

Автор первого доклада, опубликованного как материал для дискуссии и озаглавленного «Этическая журналистика и права человека»[3], — Айдан Уайт, бывший генеральный секретарь Международной федерации журналистов (1987—2011) и один из крупнейших экспертов в области саморегулирования СМИ.

Второй доклад, названный «Кодексы этики СМИ: трудности определения стандартов»[4], написал на основе личного опыта и интервью с экспертами Юджин Мейер — независимый американский журналист с сорокалетним стажем работы в “Washington Post” и других крупных изданиях, который при этом преподает журналистику в Университете штата Огайо. Доклад пронизан личной озабоченностью неравнодушного профессионала, которому представилась возможность «остановиться, оглянуться» и критически переосмыслить процесс кодирования этических норм журналистской деятельности сквозь призму реальных практик в разных странах в конкретном социально-политическом контексте.

Рассмотрению этих двух документов, принципиально важных для понимания процессов, происходящих в «плазменной области» журналистской этики, и будет посвящена данная статья.

[3] Ethical journalism and human rights. Режим доступа: https://wcd.coe.int/ViewDoc.jsp?id=1863637

[4] Media Codes of Ethics: The Difficulty of Defining Standards. Режим доступа: http://cima.ned.org/publications/media-codes-ethics-difficulty-defining-standards

Основания оптимизма: иного не дано?

Комиссар по правам человека Совета Европы Томас Хаммарберг предпослал тексту доклада Айдана Уайта свое предисловие[5], в котором напомнил, что «средства массовой информации играют чрезвычайно важную роль в защите прав человека. Они выявляют нарушения прав человека и предоставляют арену для того, чтобы в публичных обсуждениях прозвучали разные голоса».

Однако события последнего времени в странах развитой демократии (в частности, в Великобритании) привнесли в текст комиссара нотки озабоченности состоянием дел в тех обществах, которые традиционно считались эталонными в области свободы СМИ и этики журналистов: «Мы также наблюдаем, что неограниченные коммерческие устремления могут поощрять атмосферу незаконной и неэтичной деятельности в распространении информации — как это было поразительно ясно продемонстрировано во время скандала с прослушиванием телефонов в Великобритании» (об этом еще пойдет речь ниже. — *В.Х.*).

Признав, что «властью СМИ можно злоупотреблять в такой степени, что это поставит под угрозу само функционирование демократии», Томас Хаммарберг констатировал, что в европейских странах некоторые средства массовой информации были превращены в «рупоры пропаганды власть предержащих», а иные СМИ «возбуждали ненависть и ксенофобию в отношении меньшинств и уязвимых групп». Комиссар по правам человека Совета Европы напомнил журналистам, что подобные практики могут быть использованы правительствами «в качестве предлога для навязывания регулирования или даже цензуры в отношении СМИ».

«Во время своих поездок я сталкивался с целым рядом примеров того, как некоторые СМИ игнорировали этические кодексы и тем самым их подрывали. Сами нарушители в большинстве случаев были игрушками в руках олигархов или иных, иногда анонимных, интересов большого бизнеса», — пишет Томас Хаммарберг.

[5] *Хаммарберг Т.* Этическая журналистика: саморегулирование защищает независимость СМИ. Режим доступа: http://commissioner.cws.coe.int/tiki-view_blog.php?blogId=3&bl=y. Все последующие цитаты Т. Хаммарберга взяты из этого же источника.

Пользуясь случаем, комиссар по правам человека Совета Европы изложил официальную позицию своего бюро. Подчеркнув, что во всех государствах—членах Совета Европы свобода выражения мнений должна быть закреплена в Конституции, а ограничения этой свободы должны быть четко определены и отражены в законодательстве, Томас Хаммарберг отмечает: «Существует необходимость поощрять более глубокое обсуждение того, как содействовать этической журналистике, развитию социальных СМИ и других форм распространения информации в Интернете».

Тем не менее общая тональность предисловия комиссара вполне оптимистичная, и оптимизм этот связан с кодификацией этических норм в журналистском сообществе на разных уровнях. Система эффективного саморегулирования, по мнению Томаса Хаммарберга, должна строиться на двух «столпах»: этическом кодексе и механизме оперативного реагирования на жалобы со стороны омбудсменов или Советов по прессе.

Объективными необходимыми предпосылками для эффективного саморегулирования — по мнению комиссара, которое трудно оспорить — являются а) стремление журналистов исправлять свои ошибки и б) ответственность, подотчетность СМИ по отношению к обществу.

Однако отметим, что далеко не все журналистские сообщества воспринимают эти предпосылки как значимые, что в существенной степени обесценивает как процесс кодификации этических норм, так и всю систему саморегулирования в целом. Соответственно нормативная модель, построенная комиссаром по правам человека Совета Европы, оказывается пригодной для описания, скорее, частного случая некоторых стран, где сбалансированы отношения в системе «СМИ — общество — власть», однако ее трудно экстраполировать на страны с иным положением дел. Более того, упомянутый скандал с прослушиванием телефонов в Великобритании ставит под сомнение эффективность модели даже в традиционных демократиях.

Британский казус как вызов парадигме кодификации

Разразившийся летом 2011 года скандал вокруг газеты “News of the World”[6] — крупнейшего британского воскресного таблоида, подконтрольного медиамагнату Руперту Мердоку, — каким бы неожиданным он ни казался, назревал довольно давно. Уже в 2006 году за прослушивание телефонных разговоров членов королевской семьи

[6] Публичное расследование скандала с прослушкой стартует в Лондоне. Режим доступа: http://ria.ru/world/20111114/488374181.html

Великобритании были осуждены двое сотрудников газеты, а позже были подтверждены факты прослушивания других известных британцев.

То есть практика вмешательства в частную жизнь — не только неприемлемая этически, но и запрещенная законом (несанкционированное прослушивание телефонов является уголовно наказуемым в Великобритании) — была в “News of the World” рутинным методом добычи информации.

Еще один факт, разрушающий иллюзию об оптимальной сбалансированности британской медиасистемы, — полиция как минимум за девять лет до скандала с таблоидом знала о том, что сотрудники газеты нелегально прослушивали голосовую почту, и держала это в тайне, не пытаясь пресечь правонарушение[7]. Появились также сообщения о том, что по инициативе газеты, вероятно, прослушивались телефонные разговоры родственников жертв взрывов 7 июля 2005 года в Лондоне[8].

Когда не работает система правоприменения, разговор об этике кажется мелким и вторичным. Однако он непременно нужен, причем в регистре тотального переосмысления аксиоматики и механизмов оптимизации журналистской деятельности.

Представляется симптоматичным тот факт, что в Великобритании создан специальный комитет во главе с судьей Брайаном Левесоном. Задача этой структуры — установить, насколько эффективна нынешняя система общественного регулирования СМИ. Он начал слушания по делу в ноябре 2011 года. Перед комитетом, заседания которого проходят в здании Высокого суда в Лондоне и являются открытыми для публики, выступят юристы, эксперты и жертвы скандала.

Возможно, работа комитета станет «запускающим механизмом» для *«перезагрузки»* механизма регулирования журналистской деятельности в Великобритании.

Когда пишутся эти строки, органы правопорядка во исправление прошлых ошибок ведут два полицейских расследования по поводу “News of the World”: одно по факту непосредственно прослушки, другое — по подозрениям в даче взяток сотрудникам полиции для получения информации. Были арестованы и затем отпущены на свободу под залог 14 человек, включая бывшего главного редактора таблоида Эндрю Коулсона. Джеймс Мердок заявил, что может вслед за “News of The World” закрыть таблоид

[7] Полиция девять лет знала, что News of the World прослушивает телефоны. Режим доступа: http://ria.ru/world/20111021/466015936.html

[8] Репортеры NoW прослушивали телефоны жертв взрывов 7 июля. Режим доступа: http://www.bbc.co.uk/russian/uk/2011/07/110706_uk_phone_hacking_7july_developments.shtm

"The Sun", если причастность к прослушке его сотрудников будет доказана.

Трудно переоценить репутационный ущерб, который нанес этот скандал журналистике. «Тираны любят, когда свободная пресса ведет себя плохо», — отметил в газете "The New York Times" публицист Билл Келлер[9].

Для того, чтобы пресечь плохое поведение в мире свободной прессы, редактор британской газеты «Гардиан» Алан Расбриджер выступил с радикальной инициативой — заменить ныне действующую Комиссию по жалобам на прессу более «зубастым» независимым органом, который бы эффективно и быстро разбирался с нарушениями журналистской этики, связанными с нарушениями неприкосновенности частной жизни.

По мнению А. Расбриджера, новый орган, вооруженный необходимыми полномочиями для расследования, мог бы предложить «быстрый, ответственный и дешевый» способ разрешения споров по принципу «одного окна»[10]. Редактор «Гардиан» надеется, что при работе нового регулятивного органа у обиженных прессой людей отпадет необходимость обращаться в суд.

А. Расбриджер предложил назвать новый орган «Комиссией по прессе, стандартам и медиации»[11], а слабую Комиссию по жалобам на прессу — упразднить. Ее судьба будет решаться после оглашения выводов вышеупомянутого комитета во главе с судьей Брайаном Левесоном.

В поисках новых «рамок» саморегулирования

В уже упоминавшемся докладе «Этическая журналистика и права человека» Айдан Уайт, который работал как раз в «Гардиан» и считается одним из крупнейших экспертов в области защиты прав журналистов и саморегулирования СМИ, пытается задать новые «рамки» дальнейшего обсуждения проблем журналистской этики. Однако новой парадигмы в докладе не обнаруживается.

Отметив, что состояние журналистской этики непосредственно влияет на состояние общественных отношений, Айдан Уайт подчеркивает, что глобализация и взрыв цифровых медиа приводят к новым этическим коллизиям в отношениях «журналист — источник информации» и «журналист — аудитория», в результате которых возрастает напряжение между правами человека и стремлением журналиста добыть информацию.

[9] *Keller B.* Why Tyrants Love the Murdoch Scandal. The New York Times. 2011. July 24.

[10] Guardian editor proposes new press regulator. Режим доступа: http://www.guardian.co.uk/media/2011/nov/11/guardian-editor-new-press-regulator?newsfeed=true

[11] Press, Standards and Mediation Commission — PSMC.

Упование эксперта лежит в плоскости просветительства. Уайт полагает крайне значимым повышение осведомленности о важности журналистской этики и защиты прав человека, чтобы они вместе могли внести вклад в развитие общества. «Хорошая журналистика повышает осведомленность о том, что является приемлемым и неприемлемым, и может напомнить нам о моральных обязанностях», — пишет автор доклада[12].

В то же время он осознает возможность существования неоднозначной «конфликтной» зоны в журналистской деятельности, когда одни права реализуются за счет других: «Когда свобода слова вступает в конфликт с другими правами, такими, как право личности на частную жизнь, в зале суда или в редакции бывает нелегко составить объективное суждение, в котором одни права не были бы приоритетными по отношению к другим».

Идеальная модель, описанная А.Уайтом, выглядит следующим образом: «Для того, чтобы иметь возможность делать морально и юридически оправданные суждения, журналисты должны быть компетентными, хорошо подготовленными, информированными и прежде всего должны иметь возможность свободно работать в условиях, которые поощряют их действовать этично».

Трудности реализации этой идеальной модели настолько очевидны, что вряд ли имеет смысл их комментировать. Однако акценты все-таки в разных странах разные — и на это как раз обращает внимание Ю. Мейер (см. ниже. — *В.Х.*). Сейчас же важно отметить, что проблема российской журналистики, в отличие от журналистики западных стран, скорее в среде, которую трудно назвать «поощряющей действовать этично».

Однако, продолжает А. Уайт, «приземляя» свою идеальную модель, даже во многих европейских странах понимание журналистики как общественного блага находится под сомнением. «Это сложный контекст, который требует осмысления и действий со стороны журналистов и государства в контексте принципов, на которые опираются права человека», — добавляет автор доклада.

И вот здесь возникает сомнение в том, что предложенный инструмент является рабочим: ведь права человека являются точкой отсчета для европейской политической и этической мысли уже на протяжении как минимум 150 лет, с чего как раз и начал свой доклад А. Уайт. А «зазор» между журналистской этикой и журналистской практикой вроде никак не уменьшается. Видимыми знаками растущей озабоченности по этому поводу не только самих журналистов, но и гражданского общества становятся возникающие, как

[12] Ethical Journalism and Human Rights. Режим доступа: https://wcd.coe.int/ViewDoc.jsp?id=1863637. Все последующие цитаты А. Уайта взяты из этого же источника.

грибы после дождя, международные и национальные центры, которые в качестве миссии на своих знаменах указывают прежде всего «содействие укреплению принципов журналистской этики» (например, из последних — Ethical Journalism Initiative, Ethics for Media, Center for International Media Ethics и другие)[13]. И даже если причины появления этих центров прагматичны и связаны с более легкой возможностью получить гранты, — это означает, что «этика журналистики» становится модным исследовательским полем, каковыми продолжают быть «гендер», «толерантность», «ксенофобия».

Мы же все-таки склонны полагать, что заметное оживление в области исследования этики СМИ связано скорее не с «модой», а с «социальным заказом», с общественной озабоченностью по поводу непрозрачности информационных потоков и потери доверия к ним. Общество стремится выработать защитные механизмы, которые если не смогут полностью защитить от манипуляции, то хотя бы существенным образом сократят связанные с ней риски.

Автор обозреваемого доклада также отмечает, что «этическая журналистика гораздо более необходима в то время, когда люди становятся все более перегружены информацией, по большей части непроницаемой, которой они не могут доверять».

Отмечая, что для большей авторитетности и повышения доверия к себе журналисты должны «навести порядок в своем собственном доме»: прежде всего — публично и однозначно осудить тех, кто предал принципы и нормы журналистской этики. До тех пор пока эти люди будут позиционировать себя как журналисты, аудитория не будет доверять всему журналистскому корпусу, который компрометируют нарушители этики.

Возможно, «порядок в собственном доме» — это главное, чего не хватает СМИ в странах традиционной демократии, но в России — ситуация принципиально иная. Если продолжать предложенную аналогию с домом, то российские реалии можно было бы описать следующим образом: когда на улице холодно, дует ветер и льет дождь, а дом обветшал, крыша течет и разбиты стекла, — порядок внутри отходит на второй план в контексте необходимости защищаться от внешних стихий.

Конечно, выживать в холодном и сыром помещении лучше крепким духом людям, единомышленникам, согласным по поводу «порядка в доме», но российский журналистский корпус не похож на сплоченную команду. Более того, как отмечают исследователи, степень ее интегрированности понижается [Саморегулирование, 2005, Средства массовой информации и формирование гражданского общества, 2010].

[13] В сети Интернет эти инициативы представлены на следующих сайтах: Режим доступа: http://ethicaljournalisminitiative.org/; http://ethicsformedia.com/; http://cima.ned.org/

Отсутствие внешней этически-ориентированной среды и наличие среды агрессивной (*холод, дождь, ветер*) могут привести журналистский корпус к летальному исходу еще до того, как коллеги наведут порядок внутри своего дома. Впрочем, не все в этом участвуют, — некоторые давно перебрались в более благоустроенные и отапливаемые дома, где их информационные услуги оплачиваются выше и даже по-прежнему называются журналистикой, хотя ipso facto таковой не являются.

Поскольку целевой аудиторией доклада «Этическая журналистика и права человека» являются главным образом европейцы, его автор делает акцент все-таки на «порядке в доме» и в качестве одного из главных орудий «генеральной уборки» называет пересмотр этических кодексов и более нюансированное их содержание.

Напомнив, что в мире уже создано более 400 этических кодексов, призванных «саморегулировать» журналистскую деятельность, А. Уайт признает, что большинство из них «отражают согласованный набор общих ценностей и принципов журналистики». Автор доклада называет эти документы «эталонами качества».

И все-таки при этом призывает более четко прописать в кодексах критерии разграничения журналистов и нежурналистов, поскольку в мире информации появилось много новых игроков и возникает путаница, которая должна быть пояснена хотя бы на этическом уровне.

Будучи опытным журналистом, А. Уайт признает, что даже самые лучшие кодексы являются лишь отправной точкой. Они должны быть воплощены в жизнь с помощью подробных разъяснений и тренингов, чтобы репортеры могли избежать типичных ошибок. Кроме того, даже совершенные кодексы и надежные механизмы их применения не гарантируют доброкачественной журналистики в обществе, где свобода информации не закреплена законодательно и где государство не защищает ее, отмечает автор доклада.

Основания для скепсиса

Французский исследователь Клод-Жан Бертран, изучивший десятки кодексов, регламентирующих деятельность СМИ, пришел к выводу, что по сути они не противоречат друг другу. За редкими исключениями журналисты в демократических странах сходятся в том, что такое хорошо и что такое плохо.

«Таким образом, проблема состоит не в том, чтобы сформулировать принципы или правила, а в том, чтобы добиться от СМИ

и от журналистов (что не одно и то же) их выполнения. Вот почему я решил сконцентрироваться на инструментах, позволяющих обеспечить соблюдение этих правил, — при этом (поскольку история учит нас не доверять правительству) сфокусироваться на тех из них, которые не находятся в руках государства», — пришел к заключению К.-Ж. Бертран [Бертран, 2004].

Он эмпирически зафиксировал более 80 видов систем обеспечения ответственности СМИ, отметив при этом тенденцию к увеличению их количества. Добавим к этому 400 этических кодексов, отмеченных в докладе А. Уайта, и представим, какая огромная нормативная база собрана человечеством в процессе кодификации этики журналистской деятельности.

Отчего же количество проблем не уменьшается, озабоченность гражданского общества и самих журналистов (по крайней мере, тех из них, кто остался неравнодушным к профессии) нарастает, а медиасферу в разных странах мира потрясают нешуточные скандалы на этической почве?

Быть может, дело не столько в кодексах и их применении?

Давайте поищем ответы на эти вопросы в уже упомянутом мною докладе Ю. Мейера «Кодексы этики СМИ: трудности определения стандартов».

По свидетельству автора, его работа главным образом стремится привлечь внимание журналистского сообщества к различиям в политическом устройстве, которые существенно влияют на этические кодексы и журналистскую практику. Доклад основан на более чем 20 интервью, анализе первичных и вторичных документов, комментариев, веб-сайтов, блогов и других источников.

Автор цитирует репортера Ховарда Куртца, который много лет проработал в “Washington Post”. По его словам, к этическим кодексам в практике его деятельности он обращался всего несколько раз. «Если честно, то я над ними вообще не задумывался», — сказал журналист.

Практический подход к разрешению этических коллизий, основанный на казусах, хорошо описан в популярной работе «Журналистская этика. Книга примеров профессионального поведения в новостных СМИ» [Journalism Ethics, 2011], которая вышла в США уже четвертым изданием.

Исследователь СМИ, профессор университета Южной Австралии Ян Ричардс, отметил: «Во многих странах... можно годы работать журналистом и никогда не заглянуть в этический кодекс» [Richards, 2009].

Комментируя попытки создания всеобщего кодекса, Ю. Мейер пишет: «Попытки создания универсального глобального этического кодекса — задача, которую в основном берут на себя ученые, — неизбежно и неизменно проваливается, поскольку национальные и местные условия преобладают».

Он подчеркивает, что существует большой разрыв между практикой СМИ и журналистским образованием, между реальностью и теорией. «В то время как академические круги сопровождают кодексы аплодисментами, практикующие журналисты все более проникаются скептицизмом», — отметил автор доклада.

Скептицизм самого Ю. Мейера по отношению к кодификации этических норм журналистской деятельности связан в том числе и с тем обстоятельством, что в докладе основное внимание он уделил странам с авторитарными или диктаторскими режимами. Согласно данным международной организации “Freedom House”, в 2011 году лишь около 15 процентов населения земного шара живет в странах со свободной прессой[14].

«Мир купается в кодексах журналистской этики, в великом множестве разных норм журналистского поведения, но у всех их есть одна общая черта — они не стоят бумаги, на которой напечатаны», — заявил еще в 2000 году британский исследователь Билл Норрис [Norris, 2000]. И этот скептический по отношению к кодированию взгляд не утратил своих аргументов и десять лет спустя, считает Ю. Мейер.

Тем не менее в заключительной части доклада он дает ряд рекомендаций, в которых поддержка процесса кодификации остается существенной.

В частности, автор призывает спонсоров «поддерживать усилия по продвижению кодексов прессы, свободных от влияния или вмешательства правительства и отражающих лучший журналистский опыт». Также подчеркивается необходимость этических тренингов для журналистов, особенно в тех странах, где плата за публикацию желательных текстов и другие профессионально недоброкачественные действия являются обычной практикой.

Особое внимание Ю. Мейер призывает обратить на интернет-журналистику, специфика которой также должна учитываться при кодификации этических норм.

Границы вменяемости как проблема соблюдения кодексов

В анализируемом докладе можно выделить два фактора, принципиально важных для кодификации и — что представляется гораздо более критичным — соблюдения журналистских норм: *политический и экономический*. Здесь нет ничего нового, поскольку эти

[14] Freedom of the Press 2011 Survey Release, Freedom House. Режим доступа: http://www.freedomhouse.org/template.cfm?page=668.

факторы-тяжеловесы обнаруживаются при любом серьезном анализе социальных процессов.

Первый из них — *политический* — заключается в том, что в ряде стран независимость СМИ не является основным ее принципом и вовсе не она положена в основу кодексов журналистики. Кодексы просто являются компромиссами с властью, тяготеющей к полюсу государственного «мягкого» регулирования по шкале «свобода — зависимость». В Китае, например, подобные документы очевидно подчинены политике правительства. В ряде случаев зависимость «замаскирована», однако и там за формой профессионального этического кодекса скрывается содержание «приводного ремня».

Второй — *экономический* — фактор не нуждается в особых объяснениях, в маскировке и разметке. В некоторых странах (и Россия — среди них) журналисты зарабатывают так мало, что они должны искать вторую работу, и зачастую эта работа подразумевает ангажированность в сфере связей с общественностью, рекламы, лоббирования интересов бизнеса или государства, — то есть подразумевает если не потерю независимости, то прямую угрозу ей. Влияние экономического фактора таково, что журналисты, полностью одобряющие этические кодексы, не могут себе позволить им следовать, поскольку это трудно совместимо с зарабатыванием средств к существованию. В таких случаях Ю. Мейер называет кодирование теоретической «роскошью».

Вот вывод докладчика, которому хочется аплодировать и который хочется отметить особо: «Логично предположить, что продвижение этических норм в журналистике не может быть отделено от соблюдения прав человека и благосостояния в целом». Вывод кажется очевидным, однако он крайне редко артикулируется в западных текстах с такой ясностью.

Имеют ли его в виду западные теоретики СМИ, когда требуют построенной на либеральной модели журналистской этики в Китае, Индонезии или даже России?

Давайте обратим внимание на описанные выше политические и экономические факторы и задумаемся о том, «вписываемся» ли мы в существующие рамки. Давайте взглянем на политику — на удельный вес государственных СМИ в российской медиасистеме, — и нетрудно будет догадаться о масштабах влияния этого фактора на журналистскую этику. Давайте взглянем на экономику: разве российским журналистам в провинции не надо бегать по двум-трем работам, чтобы обеспечить достойное существование своим семьям?

В смысле этической вменяемости вины корпус российских журналистов представляет собой «общество с ограниченной ответственностью», которое следует принимать во внимание при оценке их деятельности и построении интерпретационных моделей. Категорические императивы никто не отменял, однако, на наш взгляд, даже тотальным кодифицированием этических норм их невозможно приблизить к реальному полноценному соблюдению в современных российских условиях.

Один из самых тяжелых пороков российской журналистики — ее сервильность. Вот что пишет об этом председатель Палаты медиааудитории Общественной коллегии по жалобам на прессу Ю. Казаков: «Первая существенная и практически повсеместно обнаруживаемая примета нынешней российской журналистики — ее очевидная *сервильность*. Не скрываемая, более того — воспринимаемая значительной частью молодых журналистов *нормой* жизни профессии (и в профессии), сервильность имеет множество частных проявлений, но один общий корень: сдачу журналистом критической позиции по отношению к власти и бюрократии»[15].

Сервильность российской журналистики просто подтверждает скептицизм Ю. Мейера по поводу эффективности кодифицирования этической сферы журналистики в странах, где демократическая традиция приживается с трудом. Действительно, трудно «поверить алгеброй... дисгармонию».

А что с гармонией? В западных странах с политикой и экономикой все гораздо лучше — и деньги есть, и власти не давят. Чем же тогда объяснить разрыв между этическими кодексами и реальной практикой журналистов, например, в Великобритании?

На наш взгляд, здесь в качестве доминанты выступает уже не институциональная этика, а персональная и групповая (корпоративная). Ведь никто не заставлял репортеров подслушивать частные разговоры, а если следствие покажет, что редакторы оказывали на репортеров давление, — то что мешало в случае такого «этического диссонанса» попробовать себя в ином месте, в качественной прессе? Это в российском районе, где всего одна газета, и та в руках местной администрации, увольнение равно прощанию с профессией или необходимости переезда. А в Лондоне?

Вышеизложенное подтверждает, что эрозия этических стандартов может случиться в любой стране. Полный букет личных свобод, идеально работающие институты гражданского общества, экономическое благосостояние и справедливый жизненный уклад не гарантируют сохранение журналистики от этических провалов и дисфункций.

Причина этого, на наш взгляд, человеческий фактор. По порядку упоминания в данном тексте — это третий фактор (после экономического и политического), а по иерархии в этических де-

[15] *Казаков Ю.* В России есть журналисты, но нет журналистики? Режим доступа: http://media.utmn.ru/library.php?book=1423

терминантах — первый. Потому что только он обладает правом «вето» даже при очевидном преимуществе других факторов, потому что моральный выбор — основа журналистской этики — всегда локализован в пространстве разума и воли конкретного журналиста (нам уже приходилось об этом писать — см. [Хруль, 2010а, 2010б]. — *В.Х.*).

Выбор совершается по-разному: кто-то отгораживается обстоятельствами и объявляет себя «ограниченно вменяемым», кто-то уходит из профессии, а кто-то идет до конца...

«*Свобода СМИ* и *редакционная независимость* не полагаются ценностью совокупной "*властью*", от федеральной до местной. И, что много драматичнее, *не востребуются* (а потому и *не защищаются* всерьез) не только раздробленным, рыхлым, скорее метафорическим "*российским обществом*", но и *большей частью* занятых этой самой *журналистской деятельностью*», — подчеркивает Ю. Казаков[16]. Он называет ценностный провал «*системной проблемой*» журналистской деятельности в России.

Для нас главным доказательством преобладающего действия человеческого фактора в ситуации морального выбора становятся не научные аргументы, не объективные факты о человеческом разуме и душе, почерпнутые из философии, психологии, социологи и смежных наук, а свидетельства тех, кто пошел до конца. Вот одно из них:

«Почти все нынешнее поколение российских журналистов и имеющихся СМИ — это "коверные". Все вместе — балаган "коверных". Их задача — развлечь публику, а если и писать о серьезном, то только о том, как хороша "вертикаль власти" во всех ее проявлениях <...> Журналисты и СМИ при этом полюбили свой балаган "коверных" всей душой — борьба за право передавать беспристрастную информацию и служить этой информации, а не администрации президента — эта борьба уже в прошлом, наступила пора умственного и морального застоя в профессиональном кругу, к которому принадлежу и я. Надо сказать, этого собственного застоя, превратившего профессию опять из журналистики в пропаганду в пользу имеющейся власти, коллеги особенно не стесняются, открыто признаваясь, что получают информацию о "не наших" прямо от сотрудников администрации президента, также о том, о чем следует писать, а о чем — нет»[17].

[16] Там же.

[17] *Политковская А.* Так что же я такого, подлая, делала. Фрагмент текста, обнаруженного журналистами «Новой газеты» в компьютере Анны Политковской, убитой в Москве 7 октября 2006 года. Опубликовано в специальном бюллетене Союза журналистов России после убийства/ Режим доступа: http://politkovskaya.novayagazeta.ru/pub2/spec/anna-072dpi.pdf

Совесть как инструмент морального выбора

Точно описываемое Анной Политковской действо — скорее из области ритуальных танцев или циркового искусства, нежели из области ответственного служения обществу — развертывается на фоне вполне доброкачественного «Кодекса профессиональной этики российского журналиста» как общего документа, «рамочного соглашения» в области профессиональной пристойности.

По отношению к нему поведение значительного числа российских журналистов является отклоняющимся, девиантным.

В чем же причина?

Может, кодекс плох? Нет, он вполне соответствует общепринятым международным нормам журналистской деятельности, что подтвердили уже упомянутые исследования профессора Норденстренга, а также работы отечественных исследователей журналистской этики [Бакштановский, Согомонов, 2002; Аврамов, 2003; Лазутина, 2010].

Может, механизмы соблюдения норм, заложенных в кодексе, не работают? Да, не работают. Об этом также много писалось и говорилось в рамках оживленной дискуссии о саморегулировании СМИ в России в течение как минимум последних десяти лет. Критический анализ деятельности российских институтов саморегулирования — Большого жюри Союза журналистов России и Общественной коллегии по жалобам на прессу — провел Ю. Казаков в нескольких статьях последнего времени [Казаков, 2011].

Однако в рамках этой дискуссии, на наш взгляд, в контексте морального выбора журналиста недостаточно артикулировано различение групповых (институциональных, корпоративных, профессиональных) поведенческих норм и норм индивидуальных, которые составляют личный этос журналиста.

Нам уже доводилось писать о том, что «этическую систему журналистики пытались и пытаются построить как первичную, в то время как она безусловно вторична по отношению к персональной и общественной аксиологии» [Хруль, 2011]. Журналистика подчинена внешним ценностно-нормативным системам и обслуживает определенные ценностные системы. Иногда она становится пространством толерантного взаимопризнания, иногда — полем битвы аксиологий.

Очень любопытными могли бы стать результаты исследования удельного веса разных факторов, влияющих на моральный выбор журналиста (причем в выборку должны попасть разные случаи поведения — как одобряемые кодексом, так и нарушающие его нормы). Наша предварительная рабочая гипотеза состоит в том, что в основе и этичного и неэтичного с профессиональной точки зрения

поведения лежат прежде всего индивидуальные аксиологии, а не групповые или массовые.

В случае морального выбора — как во многих других жизненных ситуациях — «своя рубашка» оказывается «ближе к телу» и поэтому влияет сильнее. В некоторых традициях эту «рубашку» называют совестью.

Так вот как раз в воспитании совести настоящих и будущих журналистов и состоит, по нашему глубокому убеждению, главная проблема современного саморегулирования СМИ. Не в кодексах (их много, и они замечательные), не в совершенствовании механизмов, которые К.-Ж. Бертран назвал «системами обеспечения ответственности СМИ», а в совести.

Сервильность и прочие многочисленные недостатки современной российской журналистики — это следствие прежде всего дефицита совести, а все прочее (общественное устройство, политические и экономические особенности, культуру с традициями, обычаями и нравами, профессиональную среду с ее кодексами и механизмами) можно отнести к классу условий для ее формирования.

Вот почему мы внутренне разделяем описанный выше скептицизм по поводу кодификации и имплементации этических кодексов в ткань журналистской жизни — не потому, что они не важны (очень важны!), а потому что прежде всего следует восстановить «в весе» фактор, о котором говорят очень мало.

В академическом дискурсе об этическом саморегулировании СМИ обсуждаются вещи преимущественно социальные, а умолчание об индивидуальном, возможно, связано с тем, что приватный, внутренний мир человека слабо артикулируется в силу его герметичности и труднопознаваемости.

Однако в этом контексте представляется уместным поставить вопрос: кто является субъектом этического саморегулирования СМИ? Ответ кажется простым — сами СМИ как социальный институт. Но при этом очень важно осознавать, что значительная часть реализации этой субъектности локализована в поведении индивидов (журналистов), в их конкретных действиях в конкретных обстоятельствах.

Процесс саморегулирования можно считать институциональным и соответственно субъектом полагать институт. Но результатом этого процесса становится совокупность актов журналистов (и других сотрудников СМИ) в ситуации морального выбора. Если институциональная воля совпадает по вектору с индивидуальной, тогда процесс проходит эластично и бесконфликтно. А если появляется «зазор» в векторах институциональной и индивидуальной воли, то возникает напряженность, степень которой определяется углом межу векторами вплоть до антагонистического конфликта,

когда они направлены в противоположные стороны. (Вообще, заметим, что в прикладных этических исследованиях подобная ситуация представляет собой один из самых интересных объектов изучения. — *В.Х.*).

Пока же, как нам кажется, журналисты полагаются скорее объектом саморегулирования СМИ, объектом добровольной, но подчиненности профессиональным, корпоративным, групповым стандартам — стандартам доброкачественным, выросшим из осознания ответственности и общественной миссии СМИ.

А нравы оказываются сильнее норм и стандартов. Нехорошо брать деньги за публикацию журналистского текста, — откуда тогда в СМИ столько «джинсы», «черного пиара» и скрытой рекламы? Нехорошо заниматься плагиатом, — но почему тогда процветает облегченный новыми информационными технологиями «копипэйстинг» (от англ. “copy-paste” — копировать-вставлять)? Нехорошо не давать высказаться тем, кто имеет на это право, — отчего же тогда журналистика почти в точности повторяет собой «зачищенный» политический ландшафт, вытесняя таким образом из публичной сферы сомневающихся и несогласных?

Нравы побеждают нормы и «правят бал». Это приводит к эрозии, деформации понятия «норма»: нормальным начинают называть не то, что восходит к этическому образцу, а то, что по факту распространено в практике. (Кстати, хорошо бы по результатам честного исследования реальных нравов и профессиональных практик составить «анти-кодекс» — совокупность того, что в нынешней российской журналистике большинством голосов считается «нормальным», «приемлемым» и даже «этичным». — *В.Х.*).

Что же может изменить ситуацию?

Если понимать саморегулирование не только в институциональном аспекте, но более широко, позиционируя его в универсальной субъектной области, то саморегулирование СМИ является в известном смысле частным случаем саморегулирования любой человеческой деятельности. А главным и наиболее эффективным инструментом этого регулирования на индивидуальном уровне — по крайней мере, в европейской традиции — на протяжении веков была и остается совесть.

Вот почему мы глубоко убеждены в том, что привести доброкачественные нормы к победе над злыми нравами в душе журналиста в условиях морального выбора — при содействующих или препятствующих внешних обстоятельствах — может прежде всего его просвещенная совесть.

Именно стремление к формированию и просвещению совести в журналистском образовании может принести гораздо больше

пользы практической журналистике, нежели обучение «добровольной подчиненности» в рамках кодификационной парадигмы, которая со все большей очевидностью погружается в кризис.

Список литературы

Аврамов Д.С. Профессиональная этика журналиста. М., 2003.

Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В. Моральный выбор журналиста. Тюмень, 2002.

Бертран К.-Ж. С*О*О*С: системы обеспечения ответственности СМИ // Саморегулирование журналистского сообщества. Опыт. Проблемы. Перспективы становления в России. М.: «Галерея», 2004.

Казаков Ю.В. Вторая попытка — или все же другой горизонт? Со- и саморегулирование в российской медиасфере как опыт конструирования будущего // Прикладная этика для магистрантов и профессоров. Ведомости. Вып. 38 / Под ред. В.И. Бакштановского, В.В. Новоселова. Тюмень: НИИ ПЭ, 2011.

Казаков Ю.В. На пути к профессионально-правильному. Российский медиаэтос как территория поиска. М., 2001; Тетради гуманитарной экспертизы. Вып. 1—6. Тюмень, 1999—2001.

Лазутина Г.В. Профессиональная этика журналиста. М., 2010.

Саморегулирование средств массовой информации. М., 2005.

Средства массовой информации и формирование гражданского общества. М., 2010 .

Хруль В.М. Религиозный этос как вызов универсальной журналистской этике // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10. Журналистика. 2011. № 3.

Хруль В.М. Религиозный этос как фактор регулирования журналистской деятельности: теоретические предпосылки и практические препятствия // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10. Журналистика. 2010. № 5

Хруль В.М. Религия и журналистика: христианские инициативы для преодоления «кризиса саморегулирования» СМИ // Правовые и этические аспекты журналистики. М.: Ф-т журналистики МГУ, 2010.

Journalism Ethics. A Casebook of Professional Conduct for News Media / F. Brown (ed.). Marion Street Press, Forth edition, 2011.

Norris Bill. Media Ethics at the Sharp End // Ethics and Media Culture: Practices and Representations / D. Berry (ed.). Oxford, 2000.

Reports on Media Ethics in Europe / K. Nordenstreng (ed.). University of Tampere, 1995.

Richards Ian. Uneasy Bedfellows: Ethics Committees and Journalism Research // Australian Journalism Review. 2009. Vol. 31. Issue 2. P. 35—46.

Поступила в редакцию
29.11.2011

ИСТОРИЯ ЖУРНАЛИСТИКИ

Н.В. Жилякова, кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики журналистики факультета журналистики Томского государственного университета; e-mail: retama@yandex.ru

ОСОБЕННОСТИ ОСВЕЩЕНИЯ РЕВОЛЮЦИОННЫХ СОБЫТИЙ 1905 ГОДА В ПРОВИНЦИАЛЬНОЙ ПЕРИОДИКЕ (по материалам томских газет «Сибирская жизнь» и «Сибирский вестник»)

В статье исследуются способы обхода цензуры провинциальной печатью в период первой русской революции, процессы завоевания свободы слова в Сибири. Проанализированы материалы крупнейших газет Томской губернии «Сибирская жизнь» и «Сибирский вестник» за 1905 год. Рассматриваются особенности отражения явлений общественной жизни в сибирской периодике.

Ключевые слова: *сибирская журналистика, первая русская революция.*

In article exploring methods of rounds of censorship in provincial press in period of the first russian revolution and processes of conquest of word-freedom in Siberia. Analyzing materials of biggest newspapers of Tomsk province "Siberian Life" and "Siberian Bulletin" in 1905. Considering particulars of reflection of phenomenons in public life in siberian periodics.

Key words: *Siberian journalism, the first Russian revolution.*

События 1905 года, ознаменовавшие начало Первой русской революции, — «Кровавое воскресенье», подъем забастовочного движения, Манифест 17 Октября и появление первых легальных политических партий, подавление Декабрьского вооруженного восстания и ряд других — имели ключевое значение для русского общества. Предпосылками революционных изменений были возникшие экономические, социальные, политические и национальные противоречия, но катализатором антимонархических настроений в обществе стала, несомненно, русско-японская война 1904—1905 годов. Недовольство политикой царского правительства увеличивалось с каждым новым поражением русских войск, а невозможность легально высказывать свое мнение вело все к большему общественному напряжению. Было очевидно, что страна стоит на пороге серьезных перемен.

Первая русская революция стала рубежом и для российской журналистики: ей «пришлось самоопределиться, осознать собственную, только прессе присущую роль в период общественных бурь и катаклизмов» [Махонина, 2002, с. 18]. Процесс самоопределения шел быстрее и был ярче выражен в столицах, Санкт-Петербурге и Москве; в российской провинции же он осложнялся